

А. О. Трошкова

(Марийский государственный университет, Йошкар-Ола)

СЮЖЕТ «УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ» В ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОЙ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИЯХ¹
(на материале русских и лужицких волшебных сказок АТУ 325)

Статья посвящена анализу сюжетного типа АТУ 325 «The Magician and His Pupil» / СУС 325 «Хитрая наука», являющегося одним из распространенных в мировой традиции. Он представлен многочисленными вариантами в странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, на севере Африки. Цель статьи – осуществить сравнительный анализ сюжетной линии русских и лужицких сказок этого типа. Материалом для исследования послужили 49 вариантов восточнославянских и 8 вариантов западнославянских сказок. Сравнительно-типологический метод, использованный в ходе изучения сюжета, позволил выявить сходства и различия в сюжетно-композиционной структуре русских и лужицких текстов. В результате анализа выявлено сходство и некоторое национальное своеобразие вариантов сказок родственных народов. Отмечено, что структура многих русских и лужицких сказок практически идентична: они включают в себя основные сюжетобразующие элементы, отмеченные в Указателе сюжетов Г. Утера.

Ключевые слова: волшебная сказка, хитрая наука, учитель и ученик, волшебник и ученик, сюжетные типы.

A. O. Troshkova

(Mari State University, Yoshkar-Ola)

The tale type «The Magician and His Pupil» in East Slavic and West Slavic traditions (based on Russian and Lusatian ATU 325 fairy tales)

The article analyzes the ATU 325 tale type «The Magician and His Pupil» («Cunning science» in the Sravnitelny ukazatel' syuzhetov), which is one of the most common in the world tradition. It is attested in numerous variants in Europe, Asia, North and South America, as well as North Africa. Our aim is to carry out a comparative analysis of the storyline in Russian and Lusatian ATU 325 fairy tales. The study is based on 49 variants of East Slavic and 8 variants of West Slavic tales. The comparative typological method used in the research reveals similarities and differences in the plot-compositional structure of Russian and Lusatian texts. As a result, similarities and certain national peculiarities of the kindred peoples' versions were revealed. It is noted that the structure of many Russian and Lusatian fairy tales is almost identical: they include the main plot-forming

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00028.

elements noted in Uther's index. At the same time, specific points are added in the respective traditions. For example, the Russian tradition is characterized by a detailed description of the parents' tests (which are often not limited to one), including the motif of the king's daughter getting acquainted with a young man who turns into a ring, etc. The complication of the plot line by the motifs ATU 671, 313 and 400 is also typical for the Russian tradition. In turn, the tales of the Lusatian Serbs are distinguished by the presence of their characteristic motifs: Krabat's assistance to the king/prince of Saxony in the war with Turkey; a demonstration of his spellcasting skills (turning oat grains into soldiers by boiling them in a cauldron; placing pigs «at attention» in front of the king); Krabat's servant violating his teacher's prohibition not to use magic spells; a journey through the air in a carriage/cart during which Krabat runs into the spire of Kamenz church and changes its shape; Krabat's request to destroy his magic book, as well as the motif of the hero's natural death. Unlike the Russian versions, the fairytales of the Lusatian Serbs always tell about one hero – Krabat (the Lusatian folk hero) and are rather close in form to the legendary narrations.

Keywords: Fairy tale, cunning science, teacher and student, wizard and student, plot types

Введение

Сюжетный тип «Ученик чародея» («The Magician and His Pupil» 'Волшебник и его ученик' ATU 325) в 1910 году был включен в первый международный Указатель сюжетных типов А. Аарне и в дальнейшем входил в каждую его последующую редакцию (каталоги Аарне-Томпсона 1928 и 1961 годов, Утера 2004). Ареал распространения, список включенных в каталог научных исследований по указанному типу и его варианты дополнялись в каждой новой версии каталога. Более того, сюжет входит во многие региональные и национальные указатели, что, несомненно, говорит о его универсальности. Согласно данным каталога Г. Утера, сюжет представлен практически повсеместно многочисленными вариантами в странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, на севере Африки (Uther 2004: 208).

Он развивался и претерпевал значительные изменения, прежде чем предстать перед нами в конечном варианте. Тем не менее, несмотря на продолжительную историю своего бытования, по мнению Стива Томпсона, он испытал минимальные изменения своих элементов² (Thompson 1946: 69).

---

² «The details of the story remain remarkably constant wherever it is told» (Thompson 1946: 69).

Сюжет привлекал внимание зарубежных исследователей начиная с XIX века. Ирландский и британский фольклористы Т. Кейтли (Keightley 1834: 122–125) и У. А. Клаустон (Clouston 1887: 210), занимаясь исследованием проблемы сходства сюжетов и их мирового распространения в свете миграционной теории, ссылались на него. Т. Бенфей объяснял его широкое распространение миграцией из Индии через Монголию в Европу. Его идеи продолжил в своем глубоком исследовании французский фольклорист XIX–XX вв. Э. Коскен, который также был ярким представителем школы заимствования (Cosquin 1913). Сказки типа 325 были детально изучены И. Поливкой (Polívka 1898). К современным зарубежным исследователям можно отнести американского ученого Дж. Зайпса, в центре внимания которого оказались по преимуществу семантическое наполнение и генезис сюжета. По мнению этого автора, в основе сказок об учителе и его ученике лежит конфликт «хозяин – раб», что, несомненно, и объясняет широкий ареал распространения исследуемого сказочного типа (Zipes 2017). В русской традиции сюжет привлекал внимание Г. Н. Потанина (Potanin 1903a: 1–24; 1903b: 1–37; 1903c: 1–26) и В. Я. Проппа (Propp 1946/2000: 103–106), которые занимались изучением его генезиса, связывая сюжетную линию сказок о хитрой науке с обрядом инициации, а также проводя параллели с мотивами ордынского звездного эпоса (Potanin 1903a: 1–24).

Целью данной статьи является сопоставление восточнославянских и западнославянских вариантов сказок сюжетного типа АТУ 325 для выявления их сходства, а также региональных особенностей. Для анализа и типологического сравнения восточнославянских и западнославянских сказок нами было отобрано 49 вариантов восточнославянских русских³ и 8 вариантов западнославянских лужицких сказок⁴.

³ Для русских сказок использован «Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка» (Barag *et al.* 1979: 118). Полный перечень проанализированных сказок представлен СУС 325 «Хитрая наука».

⁴ В качестве материала для исследования сказок западных славян нами было отобрано 8 сказок лужицких сербов: «About an Evil Man in Groß-Särchen» («Von einem bösen Herrn in Groß-Särchen») (Haupt 1837), «Krabat: A Legend From Folklore» («Krabat: Powejestka z ludu» Serbske Nowiny (Bautzen: Mesačny Přidawk, 1858): 22); «Krabat» («Krabat», in Luzican. Časopis za Zabawu a Powucenje, ed. J.E. Smoler, vol. 6, part II (Bautzen: 1865): 168–171); «The Sorcerer's Apprentice, I» («Der Zauberlehrling», I, Wendische Sagen, Märchen und abergläubische

Материалы и методы

Сказки о «хитрой науке» восточных славян отличаются достаточно высокой степенью устойчивости основных сюжетно-образующих мотивов. В основе большинства вариантов лежит следующая последовательность событий: решение родителей отдать сына в науку; встреча с волшебником/чертом/Охом; возвращение одного из родителей за сыном, испытание родителя – узнать сына среди одинаковых по внешнему виду животных/птиц/людей; успешное прохождение испытания и возвращение обращенного в животное сына домой; продажа обращенного в животное сына без уздечки (поводка и пр.) с целью улучшить материальное состояние семьи; продажа обращенного в коня сына с уздечкой (нарушение отцом запрета продавать коня с уздой по разным причинам); спасение протагониста сестрой/женой/детьми волшебника; преследование юноши колдуном, последовательные трансформации в птиц/животных/рыб; превращение молодого человека в кольцо, встреча с царевной; окончательное спасение (превращение кольца в бисеринки/жемчужины/зерно и пр.) и расправа с колдуном (поединок с противником, чаще в образе ястреба и петуха)⁵. Предложенная схема создана на основе сюжетной статьи указателя «Восточнославянская сказка» (Barag *et al.* 1979), но дополнена мотивами, которые, по нашему мнению, также являются сюжетообразующими. Стоит отметить, что большинство исследуемых вариантов восточнославянской версии типа 325 (32 текста из 49) полностью соответствуют указанной схеме, то есть данные мотивы достаточно устойчивы в русской традиции.

Gebräuche (Graz: Leuschner und Lubensky, 1880); «The Sorcerer's Apprentice, II» («Der Zauberlehrling», II, Wendische Sagen, Marchen und abergläubische Gebräuche (Graz: Leuschner und Lubensky, 1880); «The Story About Krabat» (Goltsch 1885); «The Wendish Faust Legend» (Pilk 1900); «Krabat» (Sorbische Volkserzählungen Hgg. von Jerzy Slizinski (Berlin: Akademie-Verlag, 1964: 45–50). На английском языке сказки представлены в антологии Дж. Зайпса (Zipes 2017: 323–348).

⁵ Следы сюжета о продаже человека под видом животного и его возвращения в дом отмечены в греческой мифологии (Hesiod. Cat. fr. 43a; Tzetzes ad Lycophron, 1395), а также «Метаморфозах» Овидия (Ovid. Met. 8.871–74.) и в «Рассказе Второго Календера» сборника арабских сказок «1001 ночь». Более ярким примером начала бытования АТ 325 можно считать монгольскую сказку в начале сборника «Шидди-Кур» («The Saga of the Well-And-Wise-Walking Khan»).

Сказки АТУ 325 лужицких сербов⁶ известны в европейской традиции как сказки о Крабате. Для исследования отобраны 8 вариантов АТУ 325, взятых из последнего издания Сюжетного каталога Г. Утера 2004 года, также были привлечены материалы антологии Дж. Зайпса (Zipes 2017). Сюжетная линия лужицких сказок несколько отличается от аналогичных русских вариантов, хотя есть случаи практически полного совпадения с восточнославянскими аналогами. Достаточно устойчивым сочетанием мотивов является следующая последовательность: обучение Крабата в школе черной магии/на мельнице сатаны (дьявола); испытание отца или матери – узнать сына среди 12 воронов; продажа протагониста в образе быка, его возвращение домой; продажа юноши в образе лошади в узде; побег от волшебника; последовательные трансформации в птиц/животных/рыб; превращение протагониста в кольцо; расправа над волшебником. В большинстве вариантов фигурируют 12 учеников, одного из которых (ученика или душу) колдун ежегодно забирает для осуществления своих тайных целей и заменяет его новым. Часто встречаются мотивы, нехарактерные для русской традиции: путешествие Крабата по воздуху в карете /телеге, его колдовство с целью помочь саксонскому королю – снабдить армии солдатами, спасение Крабатом короля из турецкого плена во время войны Саксонии с Турцией, уничтожение магической книги и естественная смерть протагониста. Еще одной особенностью сказок лужичан является устойчивое включение в повествование имен собственных, географических названий и исторических событий (имение Гросс Зерхен, церковь Каменц, война Саксонии с Турцией и пр.).

Результаты и обсуждение

Лужицкие сказки представляют особый интерес для исследователей, поскольку сформировали своеобразный тип АТУ 325, сочетающий в себе черты национальных легенд и волшебных сказок о Крабате, национальном герое лужичан⁷.

---

⁶ Лужичане (лужицкие сербы) – малочисленный западнославянский народ (около 60 тысяч человек), населяющий небольшую территорию в землях Саксония и Бранденбург в Германии.

⁷ По мнению Д. Зайпса, тип «The Magician and His Pupil» может считаться «мемом» (единицей культурной информации), передающимся от поколения в поколение и по сравнению с другими сказочными сюжетами обладающим большей способностью адаптироваться к различным социальным и культурным условиям (Zipes 2017: 7).

Сказки о Крабате уже неоднократно привлекали внимание исследователей⁸. Например, в своих работах Сюзан Хоуз (Susanne Hose) объясняет появление национального легендарного и сказочного героя Крабата трансформацией реально существующей, таинственной и даже демонической личности – сквайра Иоханна Шадовитца (Johann Schadowitz), который жил в 18 в.

Первая сказка о Крабате «About an evil man in Groß-Särchen»⁹ («Von einem bösen Herrn in Groß-Särchen») была зафиксирована в 1837 году (Haupt 1837). Интересным представляется тот факт, что в первых зафиксированных вариантах сказок о Крабате, протагонист чаще всего представлен в качестве эксцентричного учителя, который поражает жителей своей магической силой (полетами по воздуху в телеге/карете из Groß-Särchen в Дрезден, превращением зерен овса в солдат в процессе их варки в котле и произнесения заклинаний и пр.). Такие варианты частично совпадают с сюжетным типом ATU 325, но включают и мотивы типа ATU 325*. Например, в сказке «About an evil man in Groß-Särchen» («Von einem bösen Herrn in Groß-Särchen») присутствует мотив нарушения учеником запрета учителя (Крабата) пользоваться его заклинаниями: насыпать в котел зерна овса и превращать их в солдат. Ученик из любопытства произносит магические слова и вызывает появление солдат, но, не зная, как остановить их появление, сам становится жертвой и едва ли не погибает. Спасает его учитель, явившийся на шум (Haupt 1837).

Со временем сюжетная линия сказок трансформируется: протагонист из всемогущего учителя-колдуна превращается в юношу из обедневшей семьи, чаще сына пастуха, который отправляется изучать волшебство в школу черной магии или на мельницу дьявола. В данном случае варианты очень напоминают восточнославянские версии сказок.

В русской традиции первая сказка о «Хитрой науке» была опубликована несколько раньше, чем у лужицких сербов, – в 1772 г. в Санкт-Петербургском еженедельном издании «Вечера» (Anonymous 1772), в котором все материалы печатались анонимно. Этот вариант вряд ли можно назвать полностью соответствующим сюжетному типу ATU 325. Напротив, в данном случае сходство минимально, поскольку отсутствует боль-

⁸ Исследованием сказок о Крабате занимались многие авторы: Hose 2008; Nedo 1956; Ehrhardt 1982; Nowak-Neumann 2013; Zipes 2017.

⁹ «О злом человеке из Грос-Зерхена».

шинство основных мотивов СУС 325. С сюжетом «Хитрая наука» его объединяет лишь самое начало сказки, а именно мотивы решения отдать сына в науку, встреча с волшебником (волхвом) и обучение. Это единственная сказка, в которой волшебник является не антагонистом главного героя, а истинным учителем. Данный вариант скорее напоминает новеллистическую сказку.

Обратимся к наиболее характерным элементам русских и лужицких версий сказок типа 325. Все русские сказки о «хитрой науке» начинаются с рассказа о том, что старик или старуха принимают решение отдать своего сына в науку, в школу или обучаться какому-либо ремеслу для того, чтобы поправить свое материальное положение. Учитель, к которому попадает мальчик, живет за рекой, в лесу и т. д., иногда где-то в другом городе / царстве. Местом встречи с будущим учителем чаще всего является лес, дорога в город, берег реки, город, дорога на базар, но в единичных вариантах – могила или дом волшебника. Человек, который выдает себя за учителя, чаще всего представлен в виде старика, незнакомца, дедушки-лесового, купца, мудреца, учителя, колдуна, нечистого духа, черта или беса. Истинный род его деятельности раскрывается с самого начала лишь в немногих вариантах сказок, но чаще всего родитель не знает о той «хитрой науке», которую его сыну предстоит освоить.

Часто в русских сказках этот учитель носит имя Ох (характерный для русских вариантов персонаж). Встреча с ним обычно описывается таким образом: старик или старуха, утомившись от долгой дороги, садится отдохнуть на пенек, кочку, камень, могилу или просто запинается и/или падает, при этом произнося слово «Ох!» / «Ох, как я устал!». В тот же миг перед ним из-под земли вырастает человек и спрашивает: «Чего тебе надобно? Зачем звала?» (Afanasyev 1984). Ох просит старика/старуху отдать ему мальчика на обучение с условием: по истечении срока – узнать сына среди одинаковых животных/птиц/людей. Как появление, так и таинственное исчезновение Оха («Вот когда она распростилась со своим сынком, учитель берет его за руку и повел его в подземелье» – Azadkovsky *et al.* 1939) свидетельствует о его темной, сверхъестественной природе.

В большинстве вариантов сказок лужицких сербов родители так же отдают сына в ученье волшебнику. Истинный род деятельности учителя известен с самого начала. Есть варианты, где мотив обучения у волшебника опущен, а Крабат с самого представлен в качестве человека, обладающего магическими

знаниями / волшебной книгой¹⁰, однако в большинстве вариантов развитие сюжета совпадает с восточнославянскими версиями: отец или мать осознанно отдают Крабата в ученье к колдуну, у которого он проводит три или четыре года.

В русском и лужицком вариантах сюжета обучение протагониста всегда происходит в чужом для героя месте. В большинстве русских сказок оно не имеет явных черт потустороннего мира и представляется просто «избушкой в лесу», «домом старика», «училищем». В некоторых вариантах место обучения отделяется рекой или морем, что создает представление об ином мире как об отдаленной с пространственной точки зрения области: «за морем», «на другом берегу Волги», «на другом берегу Онеги». Примечательно, что достаточно устойчивым элементом русских сказок на данном этапе повествования является наличие леса. Как известно, лес окружает иное царство, дорога в иной мир идет сквозь лес (Propp 2010: 41). В лужицких сказках протагонист проходит обучение не просто в «доме». Здесь всегда подчеркивается магическая сторона обучения, а место обучения – это мельница дьявола или школа черной магии. Тем самым в обеих версиях обучение происходит в «чужом» для героя мире. И если в русской версии нам представляется возможным самостоятельно предположить его существование, то в лужицких сказках оно представлено не в завуалированном виде.

В. Я. Пропп, рассматривая сказку «Хитрая наука», справедливо отмечал, что способ, каким производится обучение, почти никогда не сообщается (Propp 1946/2010: 82). Тем не менее, в русской традиции присутствует шесть сказок, которые отличаются от других достаточно подробным описанием процесса овладения «хитрой наукой» – путем сжигания. Присутствие огня в сказке не случайно. Как известно, в обрядах инициации неопиты в самых разнообразных формах подвергались его воздействию. Сжигание, обжаривание, варка посвящаемых прослеживаются уже на наиболее ранних известных ступенях обряда посвящения, что приводит к получению способностей, которые нужны полноправному члену общества (Propp 1946/2010: 78–79). Такие варианты характерны лишь для русской традиции.

---

¹⁰ Например, сказка «Сказка о Крабате», записанная в 1885 г., начинается с описания того, как свинопас Крабат с помощью уже имеющихся у него магических знаний производит впечатление на короля Саксонии (заставляет свиней «встать по стойке смирно»), а тот в ответ дарит ему имение Грос-Зерхен.

В сказках лужицких сербов есть особенность, отсутствующая в большинстве русских сказок. Практически в каждой версии упоминается 12 учеников, один из которых каждый год должен исчезнуть по неизвестным для самих учеников причинам. Предположительно, чародей забирает самого слабого из них и на его место берет нового, тем самым поддерживая постоянное число учеников – 12. Часто двенадцатым учеником оказывается именно Крабат.

Во многих восточнославянских сказках во время встречи с родителями волшебник ставит условие по окончании обучения узнать своего сына среди одинаковых молодцев/ девушек/ солдат/жеребцов/баранов/свиной/кобелей/голубей/лебедей/журавлей/гусей/петухов/соколов/скворцов. Сложность заключается в том, что все они полностью идентичны друг другу. Во всех вариантах родители соглашаются с поставленным условием, поскольку считают маловероятным не узнать своего сына через один год или несколько лет. И, как правило, при помощи подсказок своего сына или случайных помощников успешно проходят испытание. Чаще всего волшебник выводит учеников три раза (три испытания). Есть варианты, где количество испытаний ограничивается одним или двумя. Все испытания могут быть проведены за один день, по одному испытанию в течение двух или трех дней, каждый год в течение трех лет или каждые три года. Нередко колдун понимает, что родители прошли испытание не самостоятельно, а с помощью подсказок своего сына, но поскольку условия выполнены, он вынужден отпустить мальчика домой.

В лужицких сказках один из родителей проходит аналогичное испытание, но разнообразие трансформаций героя не такое богатое, как в русских сказках. Количество испытаний всегда ограничивается одним. В западнославянской версии протагонист и другие ученики всегда оборачиваются воронами (12 воронов – 12 учеников колдуна), но отец или мать, как и в русских сказках, успешно проходят это испытание (всегда с подсказками сына).

Следующим достаточно устойчивым элементом русских сказок является запродажа протагониста в образе коня / быка / гончей и пр. без узды / поводка, что является гарантией благополучного возвращения их сына домой. Запродажа с уздечкой всегда следует за мотивом запродажи без нее. Причины нарушения запрета продажи коня/жеребца/лошади в узде могут быть различными: забывчивость отца распрячь лошадь; жад-

ность родителя, который польстился на надбавку в цене; настойчивость покупателя (нередко колдун забирает коня у старика/старухи силой).

Стоит остановиться на семантике уздечки в данном мотиве, поскольку она считается фольклорно-эпическим символом большой распространенности. Как отмечает Р. Г. Назиров (Nazirov 1988), уздечка приобретает особое значение в различных фольклорных памятниках. Как видно из сказок о «хитрой науке», продажа коня с уздечкой каждый раз оборачивается для протагониста бедой. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков в примечаниях к сказкам «Хитрая наука» пишут, что в восточнославянских и западных вариантах отражается поверье о том, что конь, купленный без узды, недолго удержится у нового хозяина. Как показало исследование Ю. Поливки, сказки и поверья такого плана много веков бытовали и на Западе (Barag, Novikov 1985: 389–459). Р. Г. Назиров добавляет, что покупатель может взнудать коня собственной уздой, но обычай требует, чтобы продавец отдавал вместе с конем именно прежнюю узду. Следовательно, узде приписывалась магическая сила: причем той узде, с помощью которой конь был обьезжен. Вместе с передачей узды передавалась и власть над конем. В «Хитрой науке» молодец, обернувшийся конем, легко убегает от покупателя, если был продан без узды, но продажа вместе с уздой делает его беспомощным против колдуна (Nazirov 1988). Продать сына, обращенного в коня с уздой, – значит лишиться его навсегда.

Колдун садится на коня и начинает его гонять для того, чтобы убить своего ученика, которому удалось вырваться из-под его власти. Протагонисту предстоит вынести выпавшие на его долю различные истязания. В большинстве вариантов нашему герою приходят на помощь дети/дочь/дочери/жена/сестра колдуна. Есть варианты, в которых в роли спасителя выступают другие персонажи – царская дочь, бабушка/старуха, конюх, девушка и пр. В некоторых вариантах конь сбегает от колдуна самостоятельно: отрывается от столба, сорвав повод; находит в конюшне дыру, выползает в нее и улетает соколом.

В описании погони колдуна за учеником в большинстве русских вариантов непременно упоминается вода (река/море/озеро). Конь, добежав до реки, обращается в ерша, колдун – в щуку; реже – в карася и щуку или в окуня и карася соответственно. Колдун, перед обращением в щуку, преследует коня либо в собственном обличии, либо обернувшись волком. Таким

образом, наблюдаются последовательные превращения протагониста и колдуна сначала в коня и волка/коня/колдуна в собственном облики, затем в ерша/карася/окуня и щуку/карася соответственно. Этот мотив описан в русских версиях достаточно подробно.

В традиции лужицких сербов указанный мотив также достаточно устойчив, но представлен в более краткой форме. Он присутствует в четырех вариантах: родители продают сына в образе быка или лошади. Колдун, заполучив своего бывшего ученика, ведет его в кузницу для того, чтобы подковать лошадь. В этот момент протагонист спасается либо самостоятельно (посредством последовательных трансформаций: голубь > ворон; жаворонок > ястреб; мышь > кот; рыба), либо при помощи случайных помощников, которые снимают узду с коня.

Следующая стадия превращения протагониста во время побега от колдуна, характерная как для русских, так и для лужицких вариантов, – его превращение в кольцо. Во всех русских вариантах сказок перстень попадает либо непосредственно к царской дочери, либо его находит царская служанка/прачка/горничная и передает его царевне. Этот мотив встречается и в лужицких сказках, но кольцо чаще всего попадает к обычной девушке.

Характерным моментом только русских вариантов является знакомство девушки с юношей, которое может происходить разными способами: девушка случайно или намеренно роняет кольцо, и оно превращается в юношу, или кольцо обращается в молодого человека по приходе девушки домой. Но самым распространенным вариантом можно назвать превращение кольца в юношу по ночам: «днем кольцо, ночью – молодец».

Окончательное спасение протагониста в русских сказках, в котором девушка принимает непосредственное активное участие, наступает во время его встречи с колдуном. В большинстве вариантов учитель, узнав, где находится его ученик, является во дворец/в дом девушки. Он приходит к девушке и просит ее отдать ему кольцо или прибегает к помощи ее отца, поскольку та не хочет возвращать кольцо. Но во всех вариантах спасение возможно благодаря действиям девушки, которая всегда строго следует указаниям протагониста. Во всех вариантах она бросает кольцо наземь/ на пол/ с балкона, и оно рассыпается на жемчужины / бисеринки / мелкие зернышки / мелкие частички / пшеницу / просо/ искры и пр. Для того, чтобы спасти юношу,

девушка наступает на одну часть кольца и тем самым не дает колдуну увидеть ее.

Во всех вариантах сказок, где присутствует мотив окончательного спасения, колдун, увидев трансформацию кольца, превращается в петуха и начинает клевать зерно / жемчужины и пр. В финале ученик побеждает своего учителя, но происходит это различными способами. Есть варианты, где юноша из зернышка / жемчужины и пр. оборачивается ястребом / орлом / соколом и убивает петуха (заклевывает его до смерти / отрывает ему голову / разрывает на две части / съедает его и пр.). Или протагонист убивает колдуна (отрубает ему голову) в своем истинном облике – в образе молодого человека, выпрыгнув из-под ноги девушки. Есть варианты сказок, в которых отсутствует эпизод гибели учителя. Склевав в образе петуха всё, кроме одной искры / части кольца / зернышка пшеницы, колдун уходит из дома девушки ни с чем.

В традиции лужичан кольцо также трансформируется в зерно. Например, в сказке «Сербский Фауст» 1900 г. кольцо, упав на пол, рассыпается зернами, одно из которых оборачивается лисой и убивает волшебника = петуха. В варианте 1880 года сама девушка убивает волшебника, когда тот превратился в петуха и начал клевать зерна (не характерный для русской традиции вариант). Исключительным вариантом, не встречающимся в русской традиции, является, в котором учитель в образе кота убивает своего ученика в виде мыши. В данном случае превращение в кольцо отсутствует. Но общим моментом всех лужицких сказок, где присутствует мотив трансформации юноши в кольцо и затем в зерна, является отсутствие эпизода его знакомства с девушкой.

Интересным моментом, характерным для русской традиции, является осложнение типа 325 другими сюжетами. Например, несколько вариантов русских сказок дополнены мотивами сюжета 671 «Три языка». Некоторые варианты представляют собой искусную контаминацию сразу трех сюжетов: 325 «Хитрая наука» + 400 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» + 329 «Елена (Алена) Премудрая». Эта особенность относится только к русским сказкам.

Сказки лужицких сербов также осложнены рядом мотивов, характерных только для западнославянской традиции. К ним относятся следующие:

1) война Саксонии с Турцией (Крабат оказывает помощь саксонскому принцу / королю, обеспечивая его солдатами, полученными в результате колдовства);

2) Крабат спасает прусского короля /принца из турецкого плена, ненамеренно убив при этом своего друга;

3) Крабат демонстрирует людям свои колдовские навыки, превращая зерна овса в солдат путем варения их в котле;

4) слуга Крабата пытается повторить колдовские чары своего учителя и вызвать из кипящего котла солдат. В результате, не зная, как остановить магию, он практически гибнет от рук, призванных им же солдат, но Крабат вовремя приходит к нему на помощь и спасает своего неразумного слугу (сходство с подтипом 325*);

5) протагонист путешествует вместе со своим слугой по воздуху в карете / телеге и врзается в шпиль церкви в Каменце;

б) перед смертью Крабат просит своего слугу уничтожить его магическую книгу, а именно утопить ее. Первый раз слуга ослушался своего хозяина, но Крабат разоблачил обман и добился своего – слуга уничтожил книгу. После этого Крабат умирает.

Это наиболее распространенные мотивы лужицких сказок, которые отличают их от русских.

Выводы

Результаты анализа показали, что в целом сюжетная линия многих вариантов русских и лужицких сказок совпадает. У обоих народов присутствуют и практически идентичные варианты. В данном случае сюжет складывается из следующих мотивов: обучение юноши у колдуна; прохождение отцом или матерью испытания с целью забрать сына домой; продажа сына в образе животных (чаще коня) без узды и с уздой; последовательные превращения юноши и колдуна; превращение протагониста в кольцо, затем в зерна; сражение с колдуном, расправа. Но в то же время в обеих традициях обращают на себя внимание отдельные специфические черты. К примеру, некоторые русские сказки осложнены рядом мотивов, не характерных для сказок лужицких сербов. Своеобразие волшебных сказок лужицких сербов об учителе и ученике объясняется переносом и трансформацией свойственных лужицкой традиции легендарных мотивов о национальном герое Крабате в волшебные сказки. Именно поэтому лужицкие сказки включают в себя ряд

мотивов, не свойственных русским вариантам. К ним относятся такие мотивы, как полет Крабата по небу в своей карете, участие его в войне с Турцией, колдовство над котлом с целью получить армию солдат, уничтожение волшебной книги в конце сказки и естественная смерть Крабата уже в пожилом возрасте. Интересно, что Крабат, являясь символом непокорности малого народа своим угнетателям, встречается не только в народных легендах и волшебных сказках лужицких сербов. Он стал излюбленным героем современности. Так, сюжет об учителе и его ученике перешел и в художественную литературу. Например, сюжет «Учитель и его ученик» лег в основу таких произведений, как «Мастер Крабат, хороший сорбский маг» Мартина Новак-Неймана (Nowak-Neumann 2013), сказочной повести «Крабат, или Легенды старой мельницы» Отфрида Пройслера (Proisler 1985), «Крабат, или Преображение мира» Юрия Брезана (Brezan 1976) и других. Перенос сюжета «Хитрая наука» в массовую литературу присутствует и в русской традиции (Дмитрий Быков «Остромов, или Ученик Чародея» (Bykov 2010), А. Медведев «Ученик Чародея» (Medvedev 2010) и пр.).

Сокращения

ATU – Aarne-Thompson-Uther classification system.
СУС – Сравнительный указатель сюжетов.

Литература

- Anonymous. 1772: *Vechera. Yezhenedel'noye izdaniye na 1772 god. CH. II*. [Evenings. Weekly edition for 1772. Part II]. St. Petersburg: Academy of Sciences Printing House, 137–142.
- Аноним. 1772: *Вечера. Еженедельное издание на 1772 год. Ч. II*. Санкт-Петербург: Типография Академии Наук, 137–142.
- Afanas'yev, A. V. 1984: *Khitraya nauka №251* [Sly science No. 251]. *Narodnyye russkiye skazki. Tom 2*. [Folk Russian fairy tales. Volume 2]. Moscow: Nauka.
- Афанасьев, А. В. 1984: *Хитрая наука №251. Народные русские сказки. Том 2*. Москва: Наука.
- Azadkovsky, M. K., Larin, B. A., Meshchaninov, I. I., Prokofiev, A. A., Chapygin, A. P. 1939: *Skazki Karelskogo Belomorya. Tom 1. Kniga pervaya*. [Tales of the Karelian White Sea. Volume 1. Book 1]. Petrozavodsk: Karelian State Publishing House, 481–490.
- Азадковский, М. К., Ларин, Б. А., Мещанинов, И. И., Прокофьев, А. А., Чапыгин, А. П. 1939: *Сказки Карельского Беломорья. Том 1. Книга первая*. Петрозаводск: Карельское государственное издательство, 481–490.
- Barag, L. G., Berezovsky, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov, N. V. 1979: *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov (SUS): Vostochnoslavyanskaya*

- skazka. [*Comparative Index of Plots (CIP): East Slavic Tale*]. Leningrad: Nauka.
- Бараг, Л. Г., Березовский, И. П., Кабашников, К. П., Новиков, Н. В. 1979: *Сравнительный указатель сюжетов (СУС): Восточнославянская сказка*. Ленинград: Наука.
- Barag, L. G., Novikov, N. V. 1985: *Primechaniya. Narodnyye russkiye skazki A. N. Afanas'yeva: V 3 tomakh*. [*Notes. Folk Russian fairy tales of A. N. Afanasyev: In 3 volumes*]. Moscow: Nauka. Vol. 2, 389–459.
- Бараг, Л. Г., Новиков, Н. В. 1985: *Примечания. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т.* Москва: Наука. Т. 2, 389–459.
- Benfey, Th. 1859: *Pantschantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen*. Leipzig: Brockhaus.
- Brezan, Ju. 1976: *Krabat oder Die Verwandlung der Welt*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Bykov, D. 2010: *Ostromov, ili Uchenik Charodeya*. [*Ostroms, or the Sorcerer's Apprentice*]. Moscow: Prozaik.
- БЫКОВ, Д. 2010: *Остромов, или Ученик Чародея*. Москва: ПрозаиК.
- Clouston, W. A. 1887: *Popular Tales and Fiction*. Vol. 1. Edinburgh: W. Blackwood.
- Cosquin, E. 1913: *Les Mongols et leur prétendu rôle dans la transmission des contes indiens vers l'occident européen: étude de folk-lore comparé sur l'introduction du 'Siddhi-Kûr' et le conte du 'Magicien et son apprenti*. Niort: Imprimerie nouvelle G. Clouzot.
- Ehrhardt, M.-L. 1982. *Die Krabat-Sage: Quellenkundliche Untersuchung zu Überlieferung und Wirkung eines literarischen Stoffes aus der Lausitz (Kultur- und geistesgeschichtliche Ostmitteleuropa-Studien)*. Marburg: N.G. Elwert.
- Goltsch, J. 1885: *The Story about Krabat*. Bautzen: Domowina.
- Haupt, J. L. 1837: Von einem bösen Herrn in Groß-Särchen. *Neues Lausitzisches Magazin* 15.2, 203–204.
- Keightley, T. 1834: *Tales and Popular Fictions: Their Resemblance, and Transmission from Country to Country*. London: Whittaker.
- Luban, K., Busch, M., Geske, K., Hipp, Ch., Hose, S., Kornwachs, K. Krautz, S. Lange, A. 2008: *Krabat Analysen und Interpretationen*. München: Univ.-Bibliothek.
- Medvedev, A. 2007: *Uchenik charodeya*. [*The Sorcerer's Apprentice*]. St. Petersburg: IG «Ves».
- Медведев, А. 2007: *Ученик чародея*. Санкт Петербург: ИГ «Весь».
- Nazirov, R. G. 1988: *Bestsennaya uzdechka*. [*Priceless bridle*]. Назиров, Р. Г. 1988: *Бесценная уздечка*. <https://nevmenandr.net/nazirov/nazirov-uzdechka.pdf>
- Nedo, P. 1956: Krabat. Zur Entstehung einer sorbischen Volkserzählung. In: *Deutsches Jahrbuch für Volkskunde*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Nowak-Neumann, M. 2013: *Meister Krabat der gute sorbische Zauberer*. Bautzen: Domowina.
- Pilk, G. 1900: *The Wendish Faust Legend*. Bautzen: Domowina.
- Polívka, Yu. 1898: *Mag'osnik i negoviyat uchenik*. [*Magician and his pupil*]. Sofia: National Publishing House «Az-Buki».

- Поливка, Ю. 1898: *Магьосник и неговият ученик*. София: Национално издателство «Аз-буки».
- Potantin, G. N. 1903a: [A tale with twelve characters]. *Etnograficheskoye obozreniye* [*Ethnographic Review*], 1, 1–24.
Потанин, Г. Н. 1903а: Сказка с двенадцатью персонажами. *Этнографическое обозрение*, 1, 1–24.
- Potantin, G. N. 1903b: [A tale with twelve characters]. *Etnograficheskoye obozreniye* [*Ethnographic Review*], 2, 1–37.
Потанин, Г. Н. 1903б: Сказка с двенадцатью персонажами. *Этнографическое обозрение*, 2, 1–37.
- Potantin, G.N. 1903c: [A tale with twelve characters]. *Etnograficheskoye obozreniye* [*Ethnographic Review*], 3, 1–26.
Потанин, Г. Н. 1903в: Сказка с двенадцатью персонажами. *Этнографическое обозрение*, 3, 1–26.
- Proisler, O. 1985: *Krabat, ili Legendy staroy mel'nitsy* [*Krabat, or Legends of the Old Mill*]. Moscow: Detskaya literatura.
Пройслер, О. 1985: *Крабат, или Легенды старой мельницы*. Москва: Детская литература.
- Propp, V. Ya. 1946/2010: *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [*The historical roots of a fairy tale*]. Moscow: Labyrinth.
Пропп, В. Я. 2010: *Исторические корни волшебной сказки*. Москва: Лабиринт.
- Thompson, S. 1946: *The Folktale*. New York: The Dryden Press.
- Uther, H.-J. 2004: *ATU (Aarne-Thompson-Uther classification system) – The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson: 3 vols.* Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Zipes, J. 2017: *The Sorcerer's apprentice*. Princeton: Princeton University Press.